

Санкции ЕС и размытие фундаментальных правовых принципов:

Хюсейн Догру — журналист, чья работа сосредоточена на политически чувствительных темах, включая репортажи о Палестине и Украине. Его репортажи и публичные комментарии привлекли внимание европейских властей, и он подвергся ограничительным мерам в рамках санкционного режима ЕС, в частности **Регламента Совета (ЕС) 2024/2642**, с поправками (в частности, Регламентом 2025/965, отражающим его включение в список), касающегося действий, дестабилизирующих Союз и его государства-члены. Примечательно, что г-н Догру **не был обвинён в уголовном преступлении**, и ни один суд не установил, что он нарушил национальное или международное право. Санкции, наложенные на него, являются исполнительными мерами, принятыми вне рамок уголовного судопроизводства.

Публично сформулированные обвинения против г-на Догру касаются не уголовного поведения, а оценки его работы и высказываний как якобы неподходящих, вредных или нежелательных в соответствии с целями внешней политики и политики безопасности Европейского Союза. Эти оценки не были проверены в состязательном судебном процессе, и г-ну Догру не было предоставлено предварительное слушание в независимом и беспристрастном трибунале. Тем не менее, наложенные санкции имели немедленные и серьёзные последствия.

8 января 2026 года г-н Догру опубликовал срочное обращение на платформе социальных сетей X, заявив:

«СРОЧНО: На данный момент у меня НОЛЬ доступа к каким-либо деньгам. Я не могу обеспечить едой свою семью, включая 2 новорождённых, из-за санкций ЕС. Ранее мне был предоставлен доступ к €506 для выживания, который теперь также недоступен. Мой банк заблокировал его. ЕС де-факто санкционировал и моих детей.»

Это заявление описывает ситуацию **полной финансовой депривации**, включая потерю доступа к средствам, ранее разрешённым в рамках гуманитарных исключений для покрытия базовых нужд. По словам г-на Догру, блокировка этих средств банком оставила его неспособным покупать еду, оплачивать жильё или медицинские расходы, или удовлетворять базовые нужды своей семьи, включая двух новорождённых детей.

По состоянию на начало 2026 года ситуация г-на Догру остаётся нерешённой. Его апелляция против санкций в сентябре 2025 года была отклонена, а доказательства, приведённые для его включения в список, состоят исключительно из его журналистской деятельности и публичных комментариев. Никаких *derogations* или гуманитар-

ногого освобождения средств не произошло, что подчёркивает постоянное и серьёзное воздействие этих мер.

Критически важно, что полное отсутствие доступа к средствам также сделало г-на Догру **неспособным нанять юридического представителя**. В результате он лишен практических средств для получения юридической консультации или судебной защиты от наложенных на него санкций. Таким образом, он подвергается серьёзным ограничительным мерам, будучи финансово неспособным оспорить их законность. Защитные механизмы, формально встроенные в санкционный режим ЕС — предназначенные именно для предотвращения таких исходов — в этом случае не сработали.

Ситуация г-на Догру предоставляет конкретную и срочную иллюстрацию более широкой правовой проблемы, рассматриваемой в этом эссе: как санкции ЕС, когда они реализуются способом, приводящим к полной депривации, отказу в юридической защите и вреду для зависимых детей, перестают функционировать как законные превентивные меры и вместо этого действуют как **внесудебное наказание**, несовместимое с фундаментальными конституционными принципами и обязательствами по правам человека.

Серьёзная материальная депривация и бесчеловечное обращение

Фундаментальный принцип права прав человека — защита человеческого достоинства. Меры, лишающие индивида возможности удовлетворять базовые нужды — еду, жильё, здравоохранение и юридическую помощь — бьют в самую суть этого принципа.

Статья 3 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ) абсолютно запрещает бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Хотя традиционно ассоциируется с содержанием под стражей или физическим насилием, jurisprudence Европейского суда по правам человека признаёт, что **материальная депривация, навязанная государством**, при достаточной серьёзности и предсказуемости может достигать порога статьи 3. Полная заморозка активов, оставляющая индивида без доступа к деньгам, создаёт условия, несовместимые с человеческим достоинством, особенно когда депривация длительная и неизбежная.

Эти опасения усиливаются, когда санкции предсказуемо затрагивают **зависимых детей**. Международное право, включая Конвенцию о правах ребёнка, требует, чтобы наилучшие интересы ребёнка были первичным рассмотрением во всех действиях государства. Санкции, лишающие детей еды, убежища или медицинской помощи — даже косвенно — представляют форму коллективного наказания. Такие исходы ни случайны, ни непредсказуемы и поэтому влекут ответственность органов, вводящих санкции.

Правовые гарантии, встроенные в санкционный режим ЕС

Важно, что незаконность полной депривации — не просто вопрос внешней критики прав человека; это прямо признаётся в **самом санкционном режиме ЕС**. Регламенты ЕС по заморозке активов routinely включают обязательные гарантии, позволяющие доступ к средствам для:

- **Базовых нужд**, включая еду, аренду, коммунальные услуги, медицинское лечение и уход за детьми; и
- **Разумных профессиональных гонораров**, включая расходы на юридические услуги.

Эти исключения — не дискреционные гуманитарные жесты, а **юридические требования**, отражающие обязательства ЕС по Хартии основных прав, ЕКПЧ и общим принципам права ЕС, таким как пропорциональность и эффективная судебная защита. Их включение представляет явное признание того, что санкции не должны доводить индивидов до нищеты или препятствовать их способности защищаться.

Сбой гарантий и незаконность полной депривации

Когда, несмотря на эти гарантии, санкционированный индивид остаётся с **нулевым доступом к средствам**, включая ранее разрешённые пособия на существование, санкции больше не применяются законно. Такая ситуация представляет **нарушение самого регламента о санкциях**, а не просто несчастный административный исход.

Если финансовые институты или национальные власти блокируют доступ к исключённым средствам, resulting депривация юридически приписывается государству и правопорядку ЕС. Отказ в доступе к средствам для **юридических услуг** особенно серьёзен: право на эффективное средство защиты по статье 47 Хартии ЕС требует не только формального доступа к судам, но и **практической способности реализовать это право**. Система, препятствующая индивид оплатить юриста, делает любой вызов мерам бессмысленным и превращает судебный пересмотр в пустую формальность.

Сбой гарантий особенно тяжёл, когда **затрагиваются дети**. Санкционный режим не авторизует голод или бездомность несовершеннолетних. Когда исключения не срабатывают в таких обстоятельствах, меры становятся несовместимыми с принципом лучших интересов ребёнка и базовыми стандартами человеческого достоинства.

Критически, этот сбой лишает санкции их заявленного **превентивного характера**. Превентивные меры должны быть ограниченными, калиброванными и обратимыми. Когда гарантии рушатся и депривация становится абсолютной, санкции приобретают принудительный и карательный характер, функционируя как внесудебные наказания, а не законные регуляторные инструменты.

Право на надлежащую правовую процедуру и эффективную судебную защиту

Надлежащая процедура — краеугольный камень конституционной демократии. Статья 6 ЕКПЧ и статья 47 Хартии ЕС гарантируют право на справедливое слушание, право быть информированным об обвинениях и право на эффективный судебный пересмотр независимым и беспристрастным трибуналом.

Режимы санкций ЕС часто не соответствуют этим требованиям. Индивиды могут быть включены в список исполнительным решением на основе нераскрытых или расплывчато сформулированных оснований, часто опираясь на конфиденциальную разведку. Санкции обычно вступают в силу немедленно, в то время как судебный пересмотр — если он доступен — происходит только после того, как уже нанесён серьёзный вред.

Когда индивиды не обвиняются в уголовном преступлении и им отказывают в процессуальных гарантиях, связанных с уголовным производством, но подвергаются последствиям, сравнимым с уголовными наказаниями, санкции нарушают суть надлежащей процедуры. Эта структура «наказать сначала, пересмотреть потом» фундаментально несовместима с верховенством права.

Nullum Poena Sine Lege и проблема предсказуемости

Принцип *nullum poena sine lege*, закреплённый в статье 7 ЕКПЧ, запрещает наказание без заранее существующего закона и требует, чтобы правовые нормы были доступны и предсказуемы. Индивиды должны заранее понимать, какое поведение может подвергнуть их карательным последствиям.

Санкции ЕС подрывают этот принцип, когда наказывают поведение, не являющееся незаконным — такое как законная журналистская или политическая деятельность — или когда критерии включения в список настолько расплывчаты, что индивиды не могут разумно предвидеть последствия своих действий. Хотя санкции формально обозначены как «превентивные», их серьёзность, стигма и потенциально неопределённая длительность придают им **实质ный** характер наказания.

Следуя принципам, установленным в *Kadi v. Commission*, суды ЕС требуют, чтобы санкции подкреплялись доказательствами и были пропорциональны заявленной цели. В случае г-на Догру формулировка законных репортажей в поддержку Палестины как «дестабилизирующих» (связанных лишь слабо с более широкими геополитическими нарративами) вызывает серьёзные опасения по поводу пропорциональности.

Юридическая классификация не может перекрывать юридическую реальность. Меры, функционирующие как наказание, должны подчиняться юридическим ограничениям, регулирующим наказание. Разрешить иное — значит опустошить одну из самых фундаментальных защит от произвольной власти.

Свобода выражения и косвенная цензура

Когда санкции связаны с журналистской работой или политическим выражением, возникают дополнительные конституционные нарушения. Статья 10 ЕКПЧ и статья 11 Хартии ЕС защищают свободу выражения, особенно политическую речь и журналистику, занимающие привилегированное положение в демократическом обществе.

Журналистская деятельность пользуется **усиленной защитой**, как отражено в *Steel and Morris v. United Kingdom*, особенно при репортажах по вопросам общественного интереса. Финансовая депривация, наложенная исполнительным декретом, может служить эффективной формой косвенной цензуры. В отличие от уголовного преследования, она избегает общественного контроля и процессуальных гарантий, достигая того же эффекта замалчивания. Такое вмешательство не может быть оправдано, если оно не законно, необходимо и пропорционально — критерии, не выполняемые, когда санкции подавляют законное выражение без судебных выводов о неправомерности и препятствуют доступу к юридическим средствам защиты.

Санкции как внесудебное наказание

В совокупности эти элементы демонстрируют, что определённые режимы санкций ЕС функционируют как **внесудебное наказание**. Они наносят серьёзный и индивидуализированный вред; основаны на якобы неправомерных действиях; обходят уголовную процедуру; и применяются без эффективных гарантий или своевременного судебного контроля.

Отсутствие уголовной метки не отрицает их карательной природы. Конституционное и правовое право человека оценивает меры по их **сущности и эффекту**, а не формальному обозначению. Когда санкции воспроизводят последствия уголовных наказаний, уклоняясь от гарантий, делающих наказание законным, они подрывают разделение властей и размывают само верховенство права.

Заключение

Санкции ЕС, приводящие к полной финансовой депривации, отказу в доступе к юридически обязательным гуманитарным и юридическим исключениям, препятствию эффективным судебным средствам защиты и предсказуемому вреду для зависимых детей, нарушают фундаментальные конституционные принципы и принципы прав человека. Несмотря на их формальную характеристику как превентивных мер, такие санкции на практике функционируют как **внесудебное наказание** — наложенное без закона, без суда и без достоинства. Если Европейский Союз хочет оставаться верным своей фундаментальной приверженности правам человека и верховенству права, режимы санкций должны подвергаться строгим существенным и процессуальным ограничениям, обеспечивая, чтобы ни один индивид не был наказан вне пределов законного судебного процесса.

Ссылки

- Хартия основных прав Европейского Союза, 2012 O.J. (C 326) 391.

- Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека), 4 ноября 1950 г., 213 U.N.T.S. 221.
- Конвенция о правах ребёнка, 20 ноября 1989 г., 1577 U.N.T.S. 3.
- Суд Европейского Союза. *Kadi and Al Barakaat International Foundation v. Council and Commission* (Объединённые дела C-402/05 Р и C-415/05 Р). Решение от 3 сентября 2008 г.
- Суд Европейского Союза. *Kadi v. Commission* (Дело C-584/10 Р, C-593/10 Р и C-595/10 Р). Решение от 18 июля 2013 г.
- Европейский суд по правам человека. *Golder v. United Kingdom*. Решение от 21 февраля 1975 г.
- Европейский суд по правам человека. *Airey v. Ireland*. Решение от 9 октября 1979 г.
- Европейский суд по правам человека. *Steel and Morris v. United Kingdom*. Решение от 15 февраля 2005 г.
- Европейский суд по правам человека. *M.S.S. v. Belgium and Greece*. Решение от 21 января 2011 г.
- Европейский суд по правам человека. *Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*. Решение от 21 июня 2016 г.
- Регламент Совета Европейского Союза (ЕС) № 2024/2642 касающийся ограничительных мер ввиду действий, дестабилизирующих Союз и его государства-члены, с поправками (например, 2025/965).
- Европейская комиссия. *Руководящие принципы по реализации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках общей внешней политики и политики безопасности ЕС*. Последняя консолидированная версия.
- Комитет по правам человека ООН. *Общее замечание № 29: Чрезвычайные ситуации (статья 4)*, CCPR/C/21/Rev.1/Add.11.
- Специальный докладчик ООН по поощрению и защите права на свободу мнений и выражения. *Доклад о влиянии санкций на свободу выражения*, A/HRC/45/25.
- Besselink, Leonard F. M. "Защита фундаментальных прав после Лиссабона: Взаимодействие Хартии основных прав Европейского Союза и Европейской конвенции по правам человека." *Common Market Law Review* 49, № 4 (2012): 1315–1346.
- Eckes, Christina. *EU Counter-Terrorist Sanctions and Fundamental Rights: The Case of Individual Sanctions*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Guild, Elspeth, and Sergio Carrera. "Санкции и надлежащая процедура." *European Law Journal* 16, № 2 (2010): 157–176.